

DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.009

К ВОПРОСУ ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В РОМАНЕ «СТО ПЕРВЫЙ ПЕРЕВАЛ» И. МАШБАШАЮ.М. Тхагазитов
Л.Б. Хавжокова

Авторами статьи предлагается концепция осмысления/переосмысления «малоформатного» романа «Сто первый перевал» Исхака Машибаша как редкого и оригинального явления в северокавказской литературе. Актуальность заявленной проблемы определяется диалектикой соотношения «своего» и «чужого» (национального и общечеловеческого), уровней взаимообусловленности этнически-циклического и «эсхатологического» типов сознания, актуализированных противоречиво глобализирующимся миром. Научная новизна исследования состоит в том, что роман И. Машибаша исследуется в новаторском аспекте, с акцентированием внимания на отчетливо проявляющейся в нем литературно-фольклорной трансформации. Отмечается заслуга двух ключевых писателей – Алима Кешокова и Исхака Машибаша, сыгравших заметную роль в становлении и эволюции национальной романистики: выявляются типологические схождения и различия их романов «Сломанная подкова» и «Сто первый перевал». Главным объектом исследовательского внимания является второй из указанных романов. В статье применен ряд научных методов, в числе главных – анализ, описание, сравнительно-исторический и герменевтический методы. Полученные результаты могут быть использованы при изучении истории адыгской литературы, и в более обширном плане – литературы народов Северного Кавказа и Российской Федерации, а также при составлении спецкурсов и написании квалификационных и другого рода исследовательских работ.

Ключевые слова: адыгская литература, фольклор, роман, Исхак Машибаш, трансформация, национальное, общечеловеческое.

Для цитирования: Тхагазитов Ю.М., Хавжокова Л.Б. К вопросу литературно-фольклорной трансформации в романе «Сто первый перевал» И. Машибаша // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 49 (88). С. 120-129. DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.009

Современная эпоха характеризуется постепенным культурным и ментальным сближением наций и народностей, неоднозначным процессом перехода этнических пространств в единую функциональную нишу. Явление это имеет достаточно давнюю традицию, истоки его лежат в XIX веке и даже ранее; с приходом советской власти единение и нивелировка этносов являлась моментом внутренней политики государства. Ныне духовная унификация народов стала новым трендом мирового культурного контекста – как с учетом планетарных эволюционных движений,

так и в сугубо российской действительности. Давление извне, прессинг западных стандартов вызывает естественную реакцию – иногда, даже на высшем государственном уровне. Сейчас крайне актуальным выглядит возможность и необходимость формирования некоего духовного пространства, в пределах которого происходила бы консолидация разнохарактерных субстратных и презентативных культур российских народов – на основе общих для них и всего человечества гуманитарных ценностей. Этот процесс уже идет. Свой вклад в формирование общих культурных тра-

диций вносит каждый народ и каждая национальная культура. И вклад этот должен возрасти по мере развития каждой национальной литературы как составной части многонационального литературного контекста.

Традиции адыгского романа (кабардинской, адыгейской и черкесской) как типологической общности, уже достаточно изучены кабардинскими, адыгейскими и черкесскими учеными [1, 2, 3]. И все же по преимуществу в литературоведческих изысканиях преобладает, как и в советское время, исторический аспект освещения. При этом уровень развития литературы уже в 60–80-е гг. все настоятельнее выдвигал потребности новаторских подходов, поиска новых критериев и методологических решений.

Анализ отдельной национальной литературы способствует выяснению общих закономерностей развития литератур региона и раскрывает ведущие тенденции каждой из них. В выявлении этих закономерностей прежде всего следует учитывать концепцию диалектического взаимодействия общего, частного и особенного в формировании и развитии советской многонациональной литературы как интернационального единства. В этом плане мы поддерживаем идеи ученых 70–90-х гг. прошлого века на уровне осмысления методологических проблем развития национальных литератур и проблем всего историко-литературного процесса как целого. Считаем, что литературу необходимо изучать в контексте межлитературных общностей разных уровней – от «особой типологической общности» [4, 313–330] до всемирной литературы. Так, И.Г. Неупокоева справедливо

отмечала, что в общерегиональное и мировое развитие национальные литературы входят не в одиночку, а группой литератур, «близких по своим историческим судьбам, имеющих общее художественное наследие, пути развития которых во многом были сходны» [5, 215–216]. Национальные литературы объединяются в зональную общность на этническом, географическом, языковом уровнях и характеризуются «общностью фольклорного наследия или же классического периода письменной литературы. Основой таких связей является близость или общность исторических судеб народов» [5, 216].

Роль и функции генетических и контактных взаимосвязей советской многонациональной литературы 60–80-х годов XX века определялись прежде всего социалистическими ценностными ориентирами. Сказанное свидетельствует о том, что тогда существовала закономерность, которая формировала единство советской многонациональной литературы. Но даже в рамках такой закономерности развития литературы советского периода в границах общего идеологического поля появлялись произведения, которые были равны соцреализму. К примеру, и в «Сломанной подкове» А. Кешокова и в «Сто первом перевале» И. Машбаша раскрывается судьба малых народов, волею истории оказавшихся на перекрестке социальных и национальных катаклизмов, но решение этого вопроса в рамках адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской) литературы – это неоднородный феномен, проявляющийся даже в содержательных моделях жанрового развития, его различных типологических линий. Эти проблемы, выдвину-

тые войной и осмысленные с позиции современности, А. Кешоков уточняет взглядом «как в бесконечность назад (в прошлое), так и в бесконечность в будущее» [6, 82], что, вообще, характерно для художника, тяготеющего в своих произведениях к мифопоэтическому обобщению действительности.

В условиях «ускоренного развития» литератур, где связи литературы и фольклора еще очень тесны, не исключается возможность совпадения и неразрывного переплетения двух типов художественного сознания (фольклорного и литературного) – наиболее удачными представляются романы о Великой Отечественной войне – «Сломанная подкова» кабардинского писателя А. Кешокова и «Сто первый перевал» адыгейского писателя И. Машбаша. Взаимодействие двух художественных систем – фольклора и литературы здесь обнаруживается глубинно: в структуре повествования, сюжетосложении, композиции, символических лейтмотивах.

Заслуга писателей А. Кешокова и И. Машбаша связана не только с выходом на новую ступень аналитичности, характерную для всей советской прозы того периода, но и с творческим следованием мифопоэтической традиции: «жизнеутверждение – это преодоление, т.е. нравственный процесс, а не счастливый сюжетный исход» [7, 73]. Если, условно говоря, Кешоков эволюционировал от романного мышления к эпическому, то адыгейский писатель Машбаш, как раз в тот период, напротив, от эпического – к романному мышлению. Машбаш в своих лучших произведениях выдвигает на первый план психологический анализ, находившийся тогда в адыгской литературе в эмбриональном

состоянии. В центре внимания находится личность, перешедшая от патриархально-родового строя к новой форме общественного бытия. Автор привлекает глубинное «я», формирующееся в новых условиях коллективизма, расширяя и углубляя тем самым свое понимание взаимоотношений человека и общества. Особенно удачен в этом смысле роман «Сто первый перевал». Коллизии романа связаны с изображением Великой Отечественной войны. Другие конфликты разрешаются на фоне основного. Многоступенчатую структуру художественного конфликта определяет проблема нравственного выбора и места отдельного человека в общенародной войне. В центре внимания писателя находится личность, перешедшая от патриархально-родового строя к новой форме общности, выявление ее глубинного «я», формирующегося и проявляющегося в новых условиях коллективизма. В этом романе Машбаш расширяет и углубляет понимание взаимоотношений личности и коллектива, человека и общества.

«Сто первый перевал» – это своеобразная «лиризация» жанра романа, раскрывающего этический конфликт между молочными братьями Трамом и Асланом, имеющими различные точки зрения на смысл человеческого бытия. Машбаш преодолевает схематизм художественного мышления, характерный для многих его предшественников в изображении прошлого и настоящего, выражающийся в резком и прямолинейном их противопоставлении. Раскрывая национальное своеобразие своих героев, автор не ограничивается оппозицией к «пережиткам прошлого», а изображает прошлое народа широ-

ко, с большим тактом и мастерством. Отмечая патриархальную «наивность» Трама (набожность, следование «законам абречества»), писатель вместе с тем с особой силой и теплотой рисует такое непреходящее качество его характера, как традиционная этикетность, основа дальнейшего эволюционирования героя произведения. Естественно, эти аспекты художественного исследования интересны автору не сами по себе, а в целостности восприятия национального мира, в данном случае выразившейся в сплоченности советского народа в борьбе с фашизмом. Писатель не абсолютизирует каких-то «особых» начал, составляющих ядро личности, а рассматривает их в строгом диалектическом единстве общего и индивидуального.

На протяжении всего произведения в центре внимания писателя – Трам Таусов и Аслан Даримок. Так, скажем, Трам, безоговорочно принявший новую жизнь, избивает бригадира Харобкова, в котором видит затаившегося врага Советской власти. Но, испугавшись ответственности (Трам не мог доказать виновности Харобкова), он уходит из аула и становится «абреком». И без того нелегкое положение Трама осложняется начавшейся войной. Трам не может оставаться в бездействии в трудное для народа и страны время, но непредвиденные обстоятельства мешают ему попасть на фронт. В этот самый трудный в жизни Трама момент он ищет помощи у своего друга Аслана, но не находит ее.

Лейтенант милиции Аслан Даримок получает приказ обезвредить «абрека» Таусова, ставшего особенно опасным в военное время, так как тот в случае предательства может провести немцев через перевал с «закрытыми глазами».

Драматизм ситуации усиливается еще и тем, что Аслан и Трам не только друзья, но и молочные братья. По адыгскому этикету это связывает людей несколько не меньше, чем кровнородственные узы. Экстремальная ситуация (с одной стороны – долг, с другой – братские отношения), в которую поставлены герои, позволяет писателю высветить конфликт, сжать время и показать своих героев на «срезе» их личных взаимоотношений. В созданной войной ситуации Трам и Аслан непременно должны действовать, выбирать свою тропу в жизни и показать, насколько не случаен этот выбор. Во многом благодаря лучшим традициям своего народа и накопленному за годы новой власти социальному опыту герои «Сто первого перевала» выходят за рамки обособленного частного бытия к полноте народного существования.

Творчество И. Машбаша можно понять и объяснить только на уровне преемственности синтеза двух типов художественного сознания (мифоэпического и литературного), а остросюжетность никогда не была противопоставлена художественному исследованию нравственного выбора, вытекающего из исторически закономерного движения народной жизни. При всей «литературности» сюжета, разработанного в «Сто первом перевале», в нем можно увидеть и известный в фольклоре и литературе многих народов мира мотив преследования благородного разбойника.

В рассматриваемом аспекте произведение И. Машбаша можно сопоставить с историко-философским романом Ч. Амирэджиби «Дата Туташхиа». И тот и другой автор делают своих героев носителями патриархальной мудрости, со

всем ее величием, но и со всеми противоречиями в новое время. Несмотря на разницу художественных задач этих произведений, авторы обращаются в них к мифоэпическому сознанию своих народов, что позволяет им воссоздать национальный мир, историю народа и подчеркнуть личную ответственность человека за судьбы народа, страны, человечества.

Если в романе Амирэджиби конфликт двух братьев несет в себе идею «способности человека к самосозиданию» (Г. Белая), то Машбаш, оставляя за своими героями возможность «самосозидания», утверждает значение исконных этических законов (названных Н. Думбадзе «законом вечности») в формировании личностного начала. Именно такие мотивы, идущие из глубины веков и «утвержденные» законами социализма, помогают героям «Сто первого перевала» осуществить достойный нравственный выбор. Динамичность сюжета, противоречивость поведения героев и духовная дистанция между ними оправдывают использование автором одной из утонченных форм художественного постижения действительности – внутреннего монолога, который только формируется в адыгской романистике.

Понятно, что нельзя сводить роман к какому-то определенному фольклорному жанру, но все же сходство композиции адыгских сказаний (они несут не только рудиментарный характер) с композицией «Сто первого перевала» отрицать невозможно. Сравним композицию (она, как утверждал Ш. Хут, характерна для всех адыгских сказаний) исторического сказания с композицией рассматриваемого романа.

Историческое сказание:

1) в экспозиции даются сведения о герое;

2) в завязке мы узнаем о целях героя. Его встреча с врагом и попытка разрешения конфликта без кровопролития;

3) конфликт достигает предела. Непримиримая борьба приводит к победе одного из противников;

4) затем следует развязка, в которой сообщается о событиях, происшедших после разрешения конфликта.

«Сто первый перевал»:

1) сведения об Аслане и Траме;

2) характеристика героя. Встреча Аслана и Трама. Короткая схватка и, казалось бы, мирное разрешение конфликта;

3) но доставить Трама до места назначения Аслану не удастся. Трам бежит. Если Аслан поначалу стреляет в него скорее для острастки, то в один из моментов преступает грань дозволенного и допускает «кровопролитие» (Трам получает легкое ранение);

4) разрешение конфликта и нравственная эволюция Аслана.

Чем объяснить обращение писателя к сюжетному анахронизму – преследованию благородного разбойника, столь частому на первом этапе развития новописьменных литератур и, казалось бы, уже окончательно изжившему себя в изображаемое писателем время? Дело в том, что эпопейный конфликт, уже удачно разработанный классиком кабардинской литературы А. Кешоковым под пером И. Машбаша модифицируется и переносится в сферы психологизма, не ослабляя при этом социальной остроты. Поставленная в произведении проблема разрешается в полемике с уже «буксовавшим» в адыгских литературах

конфликтом – прямолинейным противопоставлением прошлого и настоящего, черно-белой художественностью. В отличие же от других жанров фольклора, исторические сказания не допускают однозначного, прямолинейного (как, скажем, в сказке) исхода борьбы героев.

Специфика структуры «Сто первого перевала» имеет принципиальное значение, ибо подчеркивает неоднозначность взаимоотношения героев. Такое решение художественных задач помогает избежать дидактичности, еще столь характерной тогда для новописьменных литератур. Машбаш использует традиционные сюжетно-композиционные особенности в диалектическом единстве с актуальной проблемой нравственного выбора в кризисной ситуации, выдвинутой современной действительностью, что ведет к структурно-стилевым трансформациям новым для советских новописьменных литератур. Аслан по-своему честен, храбр, мечтает о подвигах. Но бездумное выполнение приказа, во что бы то ни стало, плюс его тщеславие приводят его к столкновению с Трамом, как истинным носителем лучших традиций Адыге хабза (адыгский этикет). И хотя Аслан действует по приказу майора, Машбаш «не снимает» со своего героя и личной ответственности. Бездушное выполнение приказа расщепляет «я» Аслана, а это неминуемо ведет к потере нравственного ориентира. Корни честолюбия Аслана, как и у Ильи Рамзина в «Выборе» Ю. Бондарева, уходят в детство, хотя и имеют иную природу. Если у Рамзина «гипертрофированное честолюбие, как и суперменство, не выдерживает поражений и может обернуться

чем угодно, даже предательством» [8, 135], то у Машбаша эгоистическое начало в характере Аслана не приводит к предательству, оно «размывается» патриархально-родовым сознанием его народа, лучшие стороны которого остаются устойчивыми и на уровне социалистического миропонимания.

Недоверие Аслана снимается командиром полка Багровым, который определяет дальнейшую судьбу Трама, причем в доступной для «абрека» форме. Интересно, что автор наделяет Трама Таусова качеством, присущим в сказаниях положительному герою, борющемуся за справедливость, – неукоснительным следованием адыгскому этикету на свои сомнения в правдивости слов Трама – провести войска через перевал – полковник Багров получает следующий ответ: «Адыг я. Слово адыга даю». Если Жираслана из романа Кешокова «Сабля для эмира» приверженность обычаям предков, твердость слова, данного кому бы то ни было, ведет из одного стана в другой, то у Машбаша неписанный свод законов адыгов в новых социальных условиях выполняет неоднозначную функцию: если это следование этикету поначалу делает Трама «абреком», то затем оно выводит его на новый уровень нравственного самозидания.

Трам, находящийся вне закона до начала войны, стремится теперь непременно попасть на фронт: в сознании горца враг на родной земле – также устойчивый, традиционный мотив. Опасность, грозящая народу, отодвигает в сторону все иные конфликты. Национальная этика выступает в романе в исторически преображенном виде, в сочетании с идейными мотива-

ми, которыми руководствуются в своих поступках герои, с чертами нового мировосприятия. В полку, куда судьба приводит Трама и Аслана, люди разных национальностей объединены общей целью, общенародной задачей – изгнанием врага с родной земли. Машбаш в «Сто первом перевале» показал необходимость и силу общности советского народа, с одной стороны, с другой – высоту личной «внеидеологической» ответственности за этот выбор.

Глубокое понимание слияния интересов отдельной личности и общенародных целей в войне выявляет народная песня, которую запекает Трама на привале. В ней поется о трудной и неравной битве адыгов, проливавших кровь за свою независимость. Звучание адыгской историко-героической песни перерастает в романе в мотив единения людей разных национальностей.

Мифоэпическая символика присутствует в «Сто первом перевале» даже в его микроструктурах и не всегда уловима. Она строится на полистадиальной почве национального этико-эстетического мышления. Метафорический язык писателя, уходящий своими корнями в мифоэпическое миропонимание народа, во многом, помог ему преодолеть описательность и некоторую стилистическую «взъерошенность», неизбежную для молодых литератур. Такие художественные особенности как внутренний монолог и психологизм способствуют лаконичности повествования, тяготевшего к весьма распространенному в современной советской многонациональной литературе, что очень важно, «малоформатному» роману. Но даже тогда, когда образ не связан прямыми «выходами» на традиционное

мышление, он часто строится у Машбаша по «анимистическим» принципам, характерным для адыгского эпоса: «Никого вокруг не было. Только парили в небе два орла. Один из них над головами, другой – поодаль. Тот, который был поближе, сложил крылья и камнем ринулся вниз. У дороги схватил жертву и снова взмыл вверх» [9, 63]. Замыкая пространство на птице, парящей в отдалении, Машбаш противопоставляет сиюминутному торжеству и устремлениям человека величественный полет и естественное, свободное дыхание жизни. Уже здесь проступают намеченные автором нравственные высоты, которые нужно преодолеть его героям – Аскеру и Мурадину, помощникам Аслана в пленении Трама.

В завершение размышлений о «Сто первом перевале» нельзя не сказать хотя бы несколько слов о Курине, занимающей особое место в иерархии женских образов, созданных адыгской литературой. Она наделена всеми качествами эпической героини: умна, красива, трудолюбива. Но надо подчеркнуть, что Машбашу удалось избежать нарочито «замедленных» сцен освобождения женщины из-под гнета «ненавистного» прошлого, которым так грешили и грешат адыгские писатели. Мы полностью разделяем актуальную и сегодня идею К.К. Султанова о том, что «на современном уровне осмысления методологических проблем социалистического реализма становится все очевиднее необходимость воспринимать национальную литературу в общенаучном художественно-эстетическом контексте» [10, 240].

Таким образом, роман И. Машбаша «Сто первый перевал» открыл

для адыгской литературы новые возможности художественного познания противоречивой советской действительности. Как можно убедиться на примере этого малоформатного романа обращение к мифоэпическому сознанию сегодня является не слабостью национальной литературы, а ее силой, созвучной современному художественному мировидению в условиях глобализации. Проблема литературно-фольклорной трансформации в контексте «аксиологии перечтения», важна для понимания природы эпического и романного мышления, его типологии, истории и теории в контексте современной культурной универсализации.

-
1. *Бекизова Л.А.* От богатырского эпоса к роману. Черкесск: Кар.-Черк. отд-е Ставроп. кн. изд-ва, 1974. 288 с.
 2. *Шаззо К.Г.* Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси: Менциереба, 1978. 238 с.
 3. *Тимижев Х.Т., Тхагазитов Ю.М.* Адыгский роман: эволюция жанра и художественно-эстетические особенности. Нальчик: КБИГИ, 2009. 168 с.
 4. *Дюришин Д.* Особые формы межлитературных общностей // *Slavica Slovaca*. 1980. № 4. С. 313–330.
 5. *Неупокоева И.Г.* История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. 360 с.
 6. *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр). М.: Просвещение, 1968. 302 с.
 7. *Бочаров А.Г.* Человек и война: идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. Изд. 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1987. 479 с.
 8. *Михайлов Ал.* Тайна души // *Литературная учеба*. 1981. № 5. С. 127–137.
 9. *Машибаш И.Ш.* Сто первый перевал: роман / Авториз. пер. с адыг. Е. Карпова. М.: Современник, 1972. 238 с.
 10. *Султанов К.К.* Структура характера и современный опыт прозаического повествования // *Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма. Проблемы жизни. Теория. Поэтика* / Отв. ред. Г.И. Ломидзе, Л.Н. Арутюнов. М.: Наука, 1981. С. 239–266.

Tkhagazitov, Yuri M. – Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); yutkhag@gmail.com

Khavzhokova, Lyudmila B. – Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

ON LITERARY AND FOLKLORE TRANSFORMATION IN THE NOVEL “A HUNDRED AND FIRST PASS” BY I. MASHBASH.

Keywords: *Adyghe literature, folklore, novel, Iskhak Mashbash, transformation, national, universal.*

The authors of the article propose the concept of understanding/rethinking the “small-format” novel “A hundred and first pass” by Iskhak Mashbash as a rare and original phenomenon in the North Caucasian literature. The urgency of the stated problem is determined by the dialectic of the correlation of “one’s own” and “alien” (national and universal), the levels of interdependence of ethnic-cyclic and “eschatological” types of consciousness, actualized by the contradictory globalizing world. The scientific novelty of the study lies in the fact that the novel by I. Mashbash is studied in an innovative aspect, with an emphasis on the literary and folklore transformation that is clearly manifested in it. The merit of two key writers – Alim Keshokov and Iskhak Mashbash, who played a significant role in the formation and evolution of national romance is noted: typological similarities and differences between their novels “The Broken Horseshoe” and “A hundred and first pass” are revealed. The main object of research attention is the second of these novels. The article uses a number of scientific methods, among the main ones are analysis, description, comparative historical and hermeneutical methods. The results obtained can be used in the study of the history of the Adyghe literature, and in a broader sense – the literature of the peoples of the North Caucasus and the Russian Federation, as well as in the preparation of special courses and writing qualifying and other kinds of research papers.

For citation: *Tkhagazitov, Yu.M., Khavzhokova, L.B. On literary and folklore transformation in the novel “A hundred and first pass” by I. Mashbash // Izvestiya SOIGSI. 2023. Iss. 49 (88). Pp. 120-129. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.009*

References

1. Bekizova, L.A. *Ot bogatyrskogo eposa k romanu* [From the heroic epic to the novel]. Cherkessk, Kar.-Cherk. otd-e Stavrop. kn. izd-va, 1974. 288 p.
2. Shazzo, K.G. *Khudozhestvennyi konflikt i evolyutsiya zhanrov v adygsikh literaturakh* [Artistic conflict and evolution of genres in the Adyghe literatures]. Tbilisi, Mentsiereba, 1978. 238 p.
3. Timizhev, Kh.T., Tkhagazitov, Yu.M. *Adygskaa roman: evolyutsiya zhanra i khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti* [Adyghe novel: genre evolution and artistic-aesthetic features]. Nalchik, Institute for Humanities of KBSC RAS, 2009. 168 p.
4. Dyurishin, D. *Osobyie formy mezhliteraturnykh obshchnostei* [Special forms of interliterary communities]. Slavica Slovaca. 1980, no. 4, pp. 313–330.
5. Neupokoeva, I.G. *Istoriya vsemirnoi literatury: Problemy sistemnogo i sravnitel'nogo analiza* [History of world literature: problems of systemic and comparative analysis]. Moscow, Nauka, 1976. 360 p.

6. Gachev, G.D. *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form* [Pithiness of artistic forms. (Epos. Lyrics. Theater)]. Moscow, Prosveshchenie, 1968. 302 p.
7. Bocharov, A.G. *Chelovek i voina: idei socialisticheskogo gumanizma v poslevoennoi proze o voine* [Man and war: ideas of socialist humanism in post-war prose about war]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1987. 479 p.
8. Mikhailov, Al. *Taina dushi* [Secret of the soul]. *Literaturnaya ucheba* [Literary studies]. 1981, no. 5, pp. 127–137.
9. Mashbash, I.Sh. *Sto pervyi pereval: roman* [A hundred and first pass: a novel]. Moscow, Sovremennik, 1972. 238 p.
10. Sultanov, K.K. *Struktura kharaktera i sovremennyi opyt prozaicheskogo povestvovaniya* [Character structure and modern experience of prosaic narration]. *Vzaimodeistvie literatur i khudozhestvennaya kul'tura razvitogo sotsializma. Problemy zhizni. Teoriya. Poetika* [Interaction of literatures and artistic culture of developed socialism. Life problems. Theory. Poetics]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 239–266.